Ярослава Пулинович

ШТОРМОВОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Действующие лица:
Борис – 48 лет,
Анна – 48 лет,
Лика – 22 года,
Анатолий – 40 лет.

Пьеса в одном действии.

1.

Вечер. Гостиная. Макаровы. Сидят за столом. Ужинают. Смотрят в телефоны.

Анна. Ой…
Борис. Что?
Анна. Ты сказал не говорить о таком.
Борис. Я сказал - не читать.
Анна. Я не читала. Оно вылезло само.
Борис. Просто пролистни.
Анна. Не могу. Оно само.
Борис. Убили?
Анна. Девочку. Одиннадцати лет. Мужчина.
Борис. Хорошо.
Анна. Что хорошо?
Борис. Хорошо – это значит, я понял. Принял к сведению.
Анна. Просто неоднозначно прозвучало.
Борис. Хорошо. Что еще пишут?
Анна. Кто? Эти?
Борис. Да.
Анна. Эти пишут, что скоро что-то будет.
Борис. А те?
Анна. А те, что все будет как прежде. Как и было всегда.

Борис. Хорошо.
Анна. А у тебя что пишут?
Борис. Пишут – будет гроза. Штормовое предупреждение.
Анна. Я знаю. Мне приходила смс.
Борис. Может, убрать стулья с террасы? Пока еще спокойно.
Анна. Хочешь – убери.
Борис. Хорошо.
Анна. Мирра звонила сегодня.
Борис. Как ее учеба?
Анна. Переживает из-за экзамена.
Борис. Я говорил ей – надо было лучше готовиться.
Анна. Ты не говорил. Ты выносил вердикт. Так нельзя, Боря.
Борис. А как надо? Молодец, правильно сделала, что завалила экзамен. Так, да?
Анна. Ты на нее давишь.
Борис. Я просто сказал ей, что надо лучше готовиться. Анатомия – это очень важно. Это важнейший экзамен. Я сам заваливал анатомию дважды. Но меня оправдывает только то, что Евдокия Петровна, царствие ей небесное, ни у кого не принимала экзамен с первого раза. И я готовился! Я готовился так, что разбуди сегодня среди ночи…
Анна. Господи, Боря. Ты учился на врача. А она на художника. Наверное, это разные степени ответственности? И она его не завалила. А сдала на бал ниже, чем рассчитывала.
Борис. Хорошо.
Анна. Тебе нужно с ней полегче. Нужно принимать во внимание, что она уже взрослая.
Борис. Пока мы платим за ее взрослую жизнь.
Анна. Боря, ты опять впадаешь в манипуляции!
Борис. Я же не отказываюсь. Я просто так сказал.
Анна. Ты в очередной раз напомнил. Образование – это важно!
Борис. Хорошо. Я не отказываюсь. Она там не собирается нас проведать?
Анна. Нет. Мы же говорили. И закрыли эту тему.
Борис. Я ничего не закрывал.
Анна. Нет, мы закрыли эту тему. Она не приедет в этом году.
Борис. А в следующем?
Анна. А в следующем – по ситуации. Мы закрыли эту тему. Мы сами поедем к ней.
Борис. Я не поеду.
Анна. Почему это?
Борис. Трястись сначала в поезде, потом до Стамбула, потом до Франкфурта… Весь отпуск ютиться в комнатушке втроем. Нет уж, простите. Я лучше на рыбалку.
Анна. Но ведь это твоя дочь. А во Франкфурте красиво. Подтянешь свой немецкий заодно.
Борис. Felix, qui potuti rerum cogoscere causas. Мне достаточно.
Анна. Это латынь.
Борис. А какая разница?
Анна. Ладно, до августа еще есть время.

Борис. Давай уберем стулья?
Анна. Ничего им не будет, они железные. Их не унесет.
Борис. А если унесет?
Анна. Если унесет железные стулья, тогда и всех нас унесет.
Борис. Я все равно уберу.
Анна. Признайся честно – ты просто хочешь курить.
Борис. Да, хочу…
Анна. Ну и нечего было бросать и обещать, что «эта затяжка последняя».
Пауза.
Борис. Сегодня девочку привезли. На солях. Очень красивая. Просто космос. Губы, ноздри, нос, щеки, изгибы ресниц. Глаз я не видел, они были закрыты. Щиколотки, икры, бедра, живот… Кто придумал ее такой красивой?
Анна. То есть пока ты ее реанимировал, ты успел заметить и губы, и бедра, и изгибы ресниц?
Борис. Я это успел заметить, пока ждал труповозку. Она умерла.
Анна. Ладно, кури здесь. Не ходи на улицу, там ветер.
Борис. Ты очень добра ко мне.
Анна. И не нужно язвить. А вообще, Боря, уходи оттуда. Зачем тебе эта наркологичка? У тебя клиника, у тебя все хорошо. Один Потапов в запое, дай бог ему долголетия, тебе приносит больше, чем вся твоя зарплата вместе с премией там.
Борис закуривает.
Борис. Это правда. Но это не вся правда. Мне не нравится выводить из запоя Потапова. Есть что-то в этом глубоко неправильное.
Анна. Что неправильное? Запои Потапова?
Борис. Запои – бог бы с ними. Неправильно то, что он покупает индульгенцию себе на следующий запой. Он ведь не хочет лечиться. Он же заплатил. Мы должны его обслужить.
Анна. То есть алкоголик, по-твоему, должен страдать?
Борис. По-моему, да. Он должен опуститься на дно. Оттолкнуться. И тогда мы его спасем.
Анна. Начнем с того, что алкоголизм – это болезнь. Странно объяснять это наркологу.
Борис. Но это болезнь, с которой можно бороться.
Анна. Можно подумать, в наркологичке твоей люди много борются.
Борис. Они хотя бы боятся смерти. А вот Потапов уверен, что он будет жить вечно и бухать вечно, и все ему сойдет с рук.
Анна. Ладно, если тебе нравятся обоссанные наркоши и алканавты – ради бога. Я так понимаю, это твой источник силы. Смердящий источник силы.
Борис. А от них ото всех одинаково смердит. Хоть сто миллионов у тебя, хоть десять рублей в кармане. Странно, но от этой девочки сегодня не пахло ничем. Немного духами.
Анна. Ты сам запретил мне говорить о мертвых девочках! А там девочку убили, убили, пришел один человек, нет, не человек, серый волк из леса и убил, убил, маленькую девочку он убил!
Борис. Прости. Иногда мне сложно об этом не думать.
Анна. Я открою вино?

Борис. Как хочешь.
Анна. Я немного.
Борис. Ты взрослый человек.
Анна. Два бокала.
Борис. Ты взрослый человек, Аня.
Анна. Я завтра не буду болеть.
Борис. Хорошо.
Анна. Я обещаю.
Борис. Хорошо.
Анна открывает вино, наливает себе в бокал. Пьет. Смотрит в окно.

2.

Анатолий. Девочка, семнадцать лет, шла в туалет, упала, обнаружил отец, подложил подушку, больше трогать не стал, в принципе, все сделал правильно, давление пятьдесят на бублик, пульс за сто. Серо-зеленого цвета. Подозреваю соли. Дышит. Довезем.

3.

Анна. Как будто не очень сильный ветер, правда?
Борис. А что пишут?
Анна. Пишут, что будет ураган. Прямо уау! Прямо уууу! Но пока не очень сильный ветер. Пока все хорошо. Твое здоровье, Макаров! *(Делает глоток)* Ко мне сегодня клиентка приходила. Ну, все по классике. Муж не уделяет внимания, сын учиться не хочет, мама на пенсии все время звонит и требует душевных разговоров. Ну а в целом у нее все прямо уау. Выглядит, должность, на работе все по полочкам. Классический союз – холодная мать и дочка-перфекционистка. И она уже и бухала, на ферме сидела, и на айваску гоняла, и йогой занималась, и к сидхам ездила посвящаться. Муж все также на диване. Сын все также в репетиторах и в двояках. И вот она мне сегодня, представляешь, на консультации говорит: «Я тут прочитала, что, когда падаешь в маленькую черную дыру, ты сразу умрешь, тебя спагетезирует и расщепит на атомы. А если падаешь в большую черную дыру, то ты будешь лететь очень-очень долго, и во время своего полета увидишь всю историю Большого Взрыва. А когда ты долетишь до конца, время просто закончится, и тебя выбросит из бытия. Как вы думаете», - говорит она, - «Что такое – «выбросит из бытия»?
Борис. А ты что?
Анна. А я сказала: «А хрен его знает».
Борис. Так и сказала?
Анна. Нет. Я сказала, что на Вселенную она проецирует образ своей холодной матери.
Борис. А ведь действительно странная формулировка. Не умер. Не погиб. Он жил, а потом его выбросило из бытия.
Анна. Она сама странная. По крайней мере, мне никто еще не задавал таких вопросов.
Борис. И хорошо выглядит при этом, говоришь?
Анна. Хочешь, дам телефон?
Борис. Фотография есть?

Анна. Иди в задницу.

Пауза.

Борис. Я в своей комнате почитаю, если ты не против?

Анна. Что читаешь?

Борис. Статья…

Анна. Посуду завтра сложу в посудомойку.

Борис. Я сам сложу.

Анна. Сделаешь мне утром?

Борис. Янтарная кислота.

Анна. Ну, пожалуйста…

Борис. Янтарная кислота!

Анна. А если очень попрошу?

Борис. Я тебе оставляю в холодильнике бутылку вина, коньяк я забираю.

Борис достает из-под дивана непочатую бутылку коньяка.

Анна. Молодец. Я думала, что ты не найдешь.

Борис. Потому что повторилась.

Анна. Я думала, ты поэтому и не найдешь. Сюжеты не повторяются.

Борис. В моей практике все сюжеты повторяются.

Анна. Там тебя статья ждет.

Борис уходит в свой кабинет. Анна в столовой пьет свое вино, смотрит в телефон, листает ленту. Ветер за окном неслышно усиливается. Стук в дверь. Анна допивает вино из бокала. Анна идет открывать. На пороге Лика.

Анна. Срубили все-таки?

Лика. Срубили кого?

Анна. Дерево.

Лика. Какое дерево?

Анна. Простите. Я подумала, что вы из нашего кружка по спасению дерева.

Лика. Какого кружка?

Анна. Проходите, это не имеет значения… Я ходила тут на собрание кружка по спасению дерева. Ну, на площади у нас есть дерево, его хотят срубить. Дорожные работы, а мы против. Девушка вроде вас собирала подписи по спасению дерева. И она была очень похожа на вас. Они сказали, что известят каждого, кто пришел, о решении администрации. Нас было двадцать человек. Я ее ждала-ждала, а она не пришла. И вот теперь я думала, что это вы. А это не вы.

Лика. А какое дерево?

Анна. Кажется, береза.

Лика. А-а-а. Я думала, каштан или платан.

Анна. Вы помните это дерево? На площади?

Лика. Нет. Я просто подумала, что каштаны лучше растут в нашем городе.

Анна. Да, конечно.

Лика. Мне нужен Борис.

Анна. Борис?

Лика. Да. Борис.

Анна. Может быть, Борис Николаевич? Вы его практикантка?

Лика. Нет. Борис.

Анна. Я поняла. Борис. Вы заходите, такой ветер. Вы заходите, пожалуйста.

Лика заходит в дом.

Анна. Тапочки?

Лика. Я, пожалуй, босиком.

Анна. Боря! Боря! К нам гости!

Из кабинета выходит Борис. Молчание.

Борис. Аня, познакомься, это Лика.

Лика. Лика.

Анна. Твоя любовница, я полагаю?

Лика. Нет.

Борис. Нет.

Лика. Просто там ветер. Очень сильный ветер. Я шла из клиники, и увидела твой дом, Борис. Мы с Борисом по имени.

Борис. Аня, помнишь, я тебе рассказывал, что занимаюсь благотворительностью немножко. Ну вот, это наша Лика, наш прекрасный клинический ребенок! Любим всем коллективом!

Лика. Я шла и вдруг на моем пути случился ветер. И я решила зайти к тебе, Борис. У тебя такой прекрасный дом. Все в клинике говорят, что у тебя прекрасный дом. И очень красивая жена.

Борис. Так и говорят?

Лика. Все в нашей клинике, кто был у вас в гостях, говорят, что у вас как будто в Финляндии. Как будто у Мумми Троллей дома.

Анна. Это я очень люблю хюгги.

Лика. Что?

Анна. Хюгги. Это такой скандинавский стиль. Как у Мумми Троллей. Вы, пожалуйста, проходите, Лика.

Лика. Можно, Борис?

Борис. Прошу…

Лика проходит в столовую. Осматривается.

Лика. У вас даже лучше, чем я думала. В детстве я всегда мечтала попасть к Мумми Троллям домой. А у вас даже лучше, чем у них. Хотя я не знаю как у них, конечно…

Анна. Правда?

Лика. Только вот эту вазу с сухоцветами нужно переставить вот сюда.

Борис. Лика, зачем ты пришла?

Лика. Я пришла, потому что начался ветер. И никаких поводов для беспокойства нет, Борис.

Анна переставляет вазу с сухоцветами.

Анна. А так ведь действительно, лучше! Лика, спасибо.

Лика. Не за что.

Анна. Правда, спасибо. Я все думала – что меня в этой картинке смущает? А это ваза с сухоцветами неправильно стояла.

Лика. У меня абсолютный эстетический вкус. Замечаю малейшую оплошность в образе.

Анна. Вы, наверное, очень творческий человек, Лика?

Лика. Я бы так не сказала.

Анна. Будете вино?

Лика. Можно.
Анна. Наш рислинг. Очень хороший, даже удивительно, что наши сейчас научились делать все, вот буквально все! Еще два года назад такого рислинга отечественного производства просто не было! Уж поверьте, я в этом разбираюсь.
Борис. Еще бы…
Анна. Я два года жила во Франции, проходила там магистратуру по обмену… Ну так что, по бокальчику?
Лика. Вы умеете убеждать.
Борис. Аня, извини. Лика пить не будет. И тебе хватит. Ты обещала два бокала. Два бокала закончились.
Анна. Подожди… Лика, кажется, взрослый человек. Лика, вы извините, вы просто очень молодо выглядите. Скажите, вам есть восемнадцать лет? Наверняка, есть, ведь вы уже работаете, но я так, на всякий случай…
Лика. Мне двадцать два.
Анна. Тем более. Боря, перед тобой стоит взрослый человек, почему ты считаешь вправе указывать – пить ему или нет? Только на основании того, что ты ее начальник? Это и есть эмоциональное насилие, Боря…
Борис. Дело в том, что Лика в некотором роде твоя сестра.
Анна. В каком смысле?
Борис. Она алкоголичка.
Анна. Что ты этим хочешь сказать?
Борис. То, что я сказал.
Анна. Боря, мы говорили много раз.
Борис. Никогда не говорили.
Анна. Мне не идут антидепрессанты.
Борис. Потому что ты их не пьешь.
Анна. У меня повышенная тревожность.
Борис. У всех алкоголиков повышенная тревожность.
Анна. Мой супервизор говорит, что никакой проблемы нет.
Борис. Потому что твой супервизор – Петя Ровин, и он сам алкоголик.
Анна. Ты видишь мир сквозь призму своей профессии. Да, в России люди выпивают, я не валяюсь под забором, я…
Борис. Я это уже слышал, Аня. Давай не будем. Ей нельзя пить!
Анна. Ты кто? Бог? Спаситель? Почему ты так решил? На основании того, что ты нарколог?!
Лика. Мне правда нельзя пить. Я, действительно, алкоголичка.
Анна. Вы? Извините, но это смешно…
Лика. Ничего смешного.
Анна. Это же во сколько вы начали?
Борис. Мне надо бы объяснить, Аня. Лика попала ко мне в реанимацию при, действительно, некоторых обстоятельствах.
Анна. Очень некоторых. Очень интересных.
Борис. При обычных обстоятельствах.
Анна. Лика, а сколько вы весите, скажите?
Лика. Не знаю.
Анна. Килограммов сорок, если я не ошибаюсь?

Лика. Да нет, вряд ли… Сорок два минимум.
Анна. Как я узнаю твой тип, Боря.
Борис. Аня, давай не будем.
Анна. Я весила пятьдесят восемь килограммов, Лика. Пятьдесят восемь на мой рост метр семьдесят два! Он говорил мне, что все прекрасно, я его богиня, но вот не мешало бы в ногах похудеть. У меня там не было ничего, ни жиринки, там были кожа и кости. Он врач, а не понимал элементарного, что у меня кость тупо шире его идеала…
Лика. Да, у вас широкая кость.
Анна. А вот сейчас, спустя двадцать восемь лет, я хочу сказать себе тогдашней: «Подруга, это не делает тебя хуже, это не делает тебя некрасивой, это вообще ничего не значит, ты – человек, ты – не цифры на весах, ты красивая взрослая женщина, что тебе еще нужно?»
Борис. Аня, угомонись!
Анна. Она твоя любовница?
Борис. Да.
Пауза.
Анна. Какого черта она у нас делает?
Борис. Я не знаю…
Пауза.
Лика. Анна, я не займу у вас много времени. Просто так получилось, что мы с вашим мужем немного согрешили. Не переживайте, не прямо в реанимации. Борис был очень добр ко мне. Он даже не разрешил срезать с меня вещи, сам раздел. Вещи в реанимации срезают, если вы не знали.
Анна. Можно без подробностей.
Лика. Ну вот. И мы с Борисом…
Анна. Не вы одни.
Лика. И у нас получилось так, что я забеременела. Плод нашей любви живет во мне.
Анна. Давно?
Лика. Уже четыре месяца.
Анна. Живота нет.
Лика. У худых почти не видно живота.
Анна. Я вас поздравляю, Лика. Вы пошли дальше всех.
Лика. Я никуда не ходила. Меня привезли.
Анна. Я давно знала, что ты некрофил, Боря, тебя возбуждают маленькие умирающие девочки. Но я никогда не думала, что ты и после реанимации за ними таскаешься.
Лика. Я сама за ним таскалась. Уже после психушки. Вышла, покурила. Постояла немного на проходной. И увидела его. Он курил возле отделения. Я его полюбила с первого взгляда.
Анна. Господи, за что? Он же лысый!
Лика. Когда меня везли на каталке, и я понимала, что сердце мое умирает, я видела только его глаза. У него были добрые глаза. У него они были как голубые обои в моей детской, когда еще не умер папа…
Борис. Девушки, давайте закончим эту исповедь. Аня, я никогда не врал тебе. Я никогда не говорил, что я идеален.

Анна. Какая она по счету? Двадцатая? Пятидесятая?
Борис. Это не имеет к делу никакого отношения.
Анна. Она действительно беременна?
Борис. Я не знаю.
Анна. Ты же врач!
Борис. Я не знаю!!!
Лика. Да, я беременна. И у меня есть всяческие тому подтверждения. Результат гормона ХГЧ. Узи. Карта берменной. Первый скрининг.
Анна. Можно посмотреть?
Борис. Дай, я.
Анна. Это правда?
Борис. Да.
Анна. Она беременна от тебя?
Борис. Я не знаю.
Лика. Я беременна от него.
Анна. Вы в это уверены, Лика?
Лика. Абсолютно.
Анна. А каким образом вы в этом уверенны?
Лика. А я ни с кем больше не спала.
Анна. Вообще или в тот конкретно день?
Лика. Я не понимаю, о чем вы.
Анна. Лика, мне сорок восемь годиков, я представитель немного другого поколения. И я много слышала о вас…
Лика. Обо мне?
Анна. О вашем поколении.
Лика. Что?
Анна. Что вы…
Лика. Что мы?
Анна. Что вы иногда…
Лика. Что мы иногда?
Анна. Что вы проще относитесь… Вы позже начинаете половую жизнь, чем миллениалы, это доказано исследованиями… Но вы несознательны. Вы инфантильны.
Лика. Вы думаете, врачи врут?
Анна. Я думаю, не факт, что именно Боря стал причиной…
Борис. Это мой ребенок, Аня. Давай закончим. У нас с Ликой роман, если хочешь. Ты хотела правду, ты ее знаешь.
Анна. Боря, ну что ты… Я давно знаю. Ты же прекрасный мужчина. Тебя все хотят. Даже мертвые девочки. Что я могу сказать? Ты можешь подать заявление о разводе через Госуслуги, чтобы не напрягаться.
Борис. Мы, кажется, не говорили о разводе.
Анна. А как мы будем жить, если не развод?
Борис. Как жили.
Анна. Нет, прости. Боря, давай так, давай договоримся, мы навсегда друг другу близкие люди. Но, ты знаешь, и я знаю, мы все друг про друга знаем. Я знала, я всегда знала, что ты ходок, я мирилась, у нас была Мирра, у нас были наши поездки, у нас

была наша музыка. Она закончилась. Ты в праве начать новую жизнь, такую, какую ты захочешь.

Борис. Я не хочу.

Анна. Ты уверен?

Лика. Очень жаль, Борис, что ты от меня отказываешься. Не могу сказать, что я ожидала чего-то другого. Все-таки у вас такой уютный дом, было бы глупо его потерять из-за какого-то дурацкого романа.

Борис. Лика, прости, но я совсем не понимаю. Я устроил тебя к себе на работу без опыта, без образования, я заботился о тебе, я давал тебе деньги. Я дал тебе новую жизнь.

Лика. В буквальном смысле новую жизнь!

Борис. Зачем ты пришла?

Лика. Я хочу, чтобы у моего ребенка был отец.

Борис. Почему ты не сказала раньше? Почему так долго тянула? Чего ты теперь хочешь от меня?

Анна. Ну что, Боря, попался! Сейчас она стрясет с тебя алименты через суд и будешь платить, как миленький!

Борис. Если ребенок мой, то буду!

Анна. Я знаю этот типаж, она тебя скрутит в бараний рог, эта малолеточка!

Борис. Помолчи! *(Лике)* Ты говорила, что это невозможно.

Лика. Оказалось, возможно.

Борис. Ничего ужасного не случилось. Просто будет ребенок и все. Я буду платить алименты. И все.

Лика. Мне не нужны твои алименты, Борис. Мне нужно, чтобы у ребенка был отец.

Борис. Тогда ты не по адресу. У меня уже есть ребенок. И есть жена. Я предупреждал тебя об этом на берегу.

Лика. То есть ты отказываешься?

Борис. Я не отказываюсь. Я буду платить. Но есть объективная реальность…

Лика. Тогда мне нужна справка.

Борис. Какая справка?

Лика. Что я чокнутая на всю голову… У меня алкогольная кома в двадцать лет, анамнез, вот это все… Что мне нельзя иметь детей.

Борис. Чтобы что?

Лика. Чтобы аборт на таком сроке сделали.

Борис. Я не знаю, возможно ли это… Чтобы мы такие справки выдавали… Мы все же по психиатрической части.

Анна. Лика, я правильно понимаю, что вы сами не хотите ребенка, но по какой-то причине пропустили сроки аборта?

Лика. Да, вы правильно понимаете. Мне двадцать два года. Я инфантильна и несознательна.

Анна. Но ведь это такая травма…

Лика. Какая травма?

Анна. Лика, я психолог, если Борис вам не рассказывал. И я много знаю таких историй…

Лика. Никакой травмы. Я бы вот эти ваши картины убрала. Они меня раздражают чем-то…
Анна. Чем раздражают?
Лика. Про них не скажешь, что они не талантливы. Но и так, что они талантливы, не скажешь тоже. Так, серединка на половинку…
Анна. Это Брусиловский!
Лика. Наверное…
Анна. Лика, я знаете, что хочу вам сказать? Может быть, вы меня пошлете, это не мое дело и все такое… Но все же… Аборт на таком строке – это практически убийство.
Лика. Но мне не нужен ребенок в двадцать два года. У меня, можно сказать, нет родителей, нет мужа, нет жилья, что я смогу ему дать?
Анна. Подожди. Но ведь у ребенка есть отец. Боря, ты же не отказываешься?
Борис. Я не отказываюсь. Я буду платить.
Анна. Речь не про деньги, Боря.
Борис. Вы хотите от меня чего?
Анна. Лика хочет, чтобы ты был полноценным отцом вашему ребенку.
Борис. Хорошо, я буду полноценным отцом. Буду приезжать по выходным, показывать ему козу, менять подгузник, кормить кашей. Такой расклад вас утроит, девочки? Простите, я устал. Я не хочу продолжать этот разговор.
Лика. Меня не устраивает коза. Меня не устраивают сраные подгузники. Я хочу, чтобы у ребенка был отец. Всегда, а не по воскресеньям.
Борис. Я напишу тебе справку, Лика. Узнаю завтра, как правильно это оформить и напишу.
Анна. Ты урод, Боря.
Борис. Я не люблю, когда меня шантажируют.
Анна. Нет, Лика, не принимайте всерьез его слова. Никакого аборта, слышите? Да и кто вам его сделает на таком сроке? Не берите грех на душу.
Лика. Вы серьезно?
Анна. Да, абсолютно. Лика, вы знаете, что? Вам ведь нравится у нас? Вы сами сказали – уютно, как в доме у Мумми Троллей.
Лика. Ну и?
Анна. Смотрите, Лика. В нашем доме четыре комнаты. Одна принадлежит нашей дочке Мирре, но сейчас пустует. Мирра учится в Германии, и приедет еще нескоро. Комната хорошая, шестнадцать квадратных метров. А вторая маленькая, гостевая, в ней никто и никогда не живет, разве что оставались на ночь раньше, но теперь уже никогда. Пойдемте, я вам покажу… Вот комната нашей дочки. Здесь немного бардак, я ничего не убирала после ее отъезда. Но я уберу. Мы сделаем ремонт. Смотрите, Лика, вот сюда мы поставим кроватку, а здесь поместится ваша кровать. А когда ребеночек подрастет, вы сможете жить в гостевой комнате. Вот она. Скажите, вам нравится? Мы перекрасим стены, мы купим новую мебель.
Лика. Что это за картина?
Анна. Это нарисовал мой знакомый художник. Его уже нет в живых. Это рыба. Рыбу выбросило на берег, она лежит на камнях и смотрит прямиком в космос.
Лика. А почему у нее только один глаз?

Анна. Он так решил. Мой знакомый художник, которого уже нет в живых. Она вам не нравится? Мы ее перевесим. Или выбросим. Как вам будет лучше.
Лика. Нет. Она хорошая.
Анна. Значит, оставим.
Борис. Аня, можно тебя на минуту?
Борис и Анна возвращаются в столовую.
Борис. Аня, ты очень пьяна. Давай, пожалуйста, мы сейчас ляжем спать. Я отвезу Лику домой. А завтра мы встретимся и продолжим этот увлекательный разговор.
Анна. Я не пьяна.
Борис. Ты сейчас сама не до конца понимаешь…
Анна. Я выпила два бокала.
Борис. Ты выпила больше! Ты просто не замечаешь!
Анна. Боря, ты любишь меня?
Борис молчит.
Анна. Все, я прямо сейчас подаю на развод.
Борис. Аня, конечно, я тебя люблю.
Анна. Я прямо сейчас подаю на развод.
Борис. Зачем я, по-твоему, с тобой живу?
Анна. В том-то и дело, что я не знаю.
Борис. Ты очень добрая. Ты очень красивая. Ты мой самый близкий человек на земле.
Молчание.
Анна. Она хорошая девочка. У нее честные глаза.
Борис. Прости.
Анна. Давай оставим ребенка.
Борис. Хочешь – давай оставим.
Анна. Интересно – кто это будет? Девочка или мальчик?
Борис. Мальчик.
Анна. Откуда ты знаешь?
Борис. Я видел ее обменную карту.
Анна. Мальчик… Платон. Или Сережа. Сережа лучше. Сергей Борисович Макаров. Серьезный такой бутус, маленький начальник. Или все же Платон. Платоша… Мальчик с золотыми кудрями, хочет стать великим математиком.
Входит Лика.
Лика. Вряд ли он будет с золотыми кудрями. Борис не то, чтобы блондин. Он скорее лысый. Извините, я вошла, мне просто надоело сидеть в той маленькой комнатке напротив одноглазой рыбы.
Анна. Это вы нас простите, Лика. Я бы хотела продолжить наш разговор. Вино не предлагаю, но может быть чай? Я знаю один классный магазин у нас в городе, его держит Слава Кастомаров. Вы же знаете Славу?
Лика. Нет, кто это?
Анна. Ну что вы? Это легендарный в нашем городе человек. Слава Кастомаров! Его знала вся тусовка девяностых, все нулевые, все десятые он был просто… Ну Слава Кастомаров же! Группа «Колесо»! «Изабелла», «Полосатые штаны», «Не убивай меня, брат»… Каждый болен, каждый предан, каждый сыт и рад! Ту-ду-ду! Не убивай меня, брат!

Лика. Я не знаю, кто это. Извините.
Анна. В общем, чай! Теперь Слава Кастомаров держит свой чайный магазин, и прямо из Китая возит редчайшие сорта. Я даже в Китае не пробовала такого улуна!
Лика. Да, действительно потрясающая карьера.
Анна. Вы, попробуйте, Лика. Это удивительный чай. Я сама его пью просто литрами. Вы попробуйте. Я немного в этом разбираюсь.
Лика. Вы большой эстет.
Анна. Я совсем нет, Лика. Я из очень простой семьи. Я из пригорода вообще, из рабочего поселка. Наш район назывался ЦРМ – центрально-ремонтные мастерские. Представляете, какой контингент там обитал? Я не то, чтобы аристократка. Но мне уже сорок восемь годиков, за это время я чего-то добилась. Боря сколько угодно может говорить, что частная психотерапия – это развод на деньги, но это не так. Я очень много где училась, я очень многим женщинам помогаю. И, конечно, то тут, то там я чего-то поднабралась…
Лика. Это очень заметно. Прямо очень чувствуется. Вы действительно поднабрались.
Анна. Когда вы к нам переедете, Лика, я вам покажу свою коллекцию книг по искусству.
Борис. Не то, чтобы ты их прямо все прочитала. Я бы все-таки хотел как-то разбавить ваш великосветский разговор. Аня, пожалуйста, давай внесем ясность. Ты сейчас все, все, что ты произнесла, говорила серьезно?
Анна. О чем Боря?
Борис. О том, что Лика должна к нам переехать.
Анна. Ты же сам сказал, что хочешь этого ребенка.
Борис. Я этого не говорил.
Анна. Ты сам сказал… Ты сам сказал, что…
Борис. Хорошо! Я сказал. Ты хочешь, чтобы Лика жила с нами?
Анна. Мы же только что об этом говорили.
Борис. Лика, ты действительно хочешь переехать к нам?
Лика. В комнате Мирры нужен ремонт. Гостевая мне нравится и в таком виде, особенно одноглазая рыба прекрасна!
Борис. Ты хочешь жить с нами?
Лика. Покурим?

4.

Анатолий. Мужчина, сорок восемь лет, инвалид на фоне употребления н/в - ВИЧ, гепатит С, две отсидки, кольнул тройную свою дозу вещества, со слов сожительницы хотел покончить с собой. Час назад начались судороги, вызвала нас, собственно, подруга жизни. Сменим с Галей. И он какой-то, блядь, терминатор, Боря. Он, блядь, по кардиограмме трупп, и тут он вскакивает как курица с отрубленной башкой и хуячит от нас на кухню, сука. Я, блядь, его заламываю. Он снова обмякает. Снова, блядь, труп. И снова, блядь, кардиограмма, вот эта вся хуйня. Галя пишет – время смерти. Этот, блядь, встает, и начинает нас хуярить просто как сука викинг, блядь. Ебалом своим вичевым мне в рожу зарядил, больно так, знаешь, и потом опять судороги и обмяк. И, Боря, я хуй знает че там с ним, я хуй знает, он умер или нет. Он у нас умер по кардиограмме. Боря, я тебя очень прошу, давай это не у меня на вызове? Боря, я вообще в этой

синтетике не секу. Такая картина размытая – то за двести, то трупы меня хуярят. Боря, короче, он опять ожил, я блядь, его к тебе везу, как хочешь, так и освобождай койку!

5.

Борис и Лика курят на террасе. Ветер усиливается.

Лика. Я все сказала.

Борис. Зачем тебе это надо?

Лика. А что мне надо было сделать?

Борис. Сказала бы мне. Я бы все решил.

Лика. Я не сразу поняла. А когда поняла, то было поздно. Я решила так, чтобы все всё знали. Я не тупая, я понимаю, что на таком сроке аборт мне никто не сделает.

Борис. Лика, давай ты не будешь к нам переезжать? Моя жена – алкоголик и несет полную ахинею.

Лика. Борис, ты меня любишь?

Борис. Нет.

Лика. Зачем тогда ты помогал мне?

Борис. Мне было тебя жалко.

Лика. Разве врачи кого-то жалеют?

Борис. Конечно. Врачи, по-твоему, не люди?

Лика. Мы же все для вас конченные.

Борис. Мужиков я почти никогда не жалел. Подростков – да, мужиков – нет. Женщин жалею всегда. Особенно, девочек. Им жить да жить. На танцы бегать, мальчишек с ума сводить. А ее привозят к нам. Давления нет, пульса почти нет. Смотришь карту - 19 лет. Качаем полчаса, час. И все. Моя прелесть, адью!

Лика. Я знала, что я умираю, но не умру. После выписки я пошла в церковь, и поставила свечку.

Борис. Иисусу?

Лика. Может быть. А может быть, и нет. Они там на иконах все на одно лицо.

Борис. Ты откажись с нами жить, пожалуйста, Лика.

Лика. Тогда купи мне квартиру.

Борис. Не куплю.

Лика. Почему?

Борис. У меня нет таких денег!

Лика. Ипотека?

Борис. Ты с ума сошла?

Лика. А где мы с ребенком будем жить тогда, если не у вас?

Борис. А где ты сейчас живешь?

Лика. Снимаем двухкомнатную квартиру на четверых девочек. Но ребенок там не предусмотрен.

Борис. Хорошо, я сниму тебе квартиру.

Лика. Не снимешь.

Борис. Почему?

Лика. Беременным никто и никогда не сдает.

Борис. Я сам сниму.

Лика. Правда все равно вскроется. Купи мне квартиру.

Борис. У меня нет таких денег! Ты что-то придумала обо мне!

Лика. Купи студию.
Борис. Какую студию? Ты цены на них видела?
Лика. Тогда я буду жить с вами.
Борис. Хорошо, живи. Но я тебя уволю.
Лика. Не имеешь права. Я беременная.
Борис. Я найду управу.
Лика. Я беременная.
Борис. Ты гадина.

Борис заходит в дом.

Борис. Аня, она хочет только квартиру.
Анна. А чего она должна, по-твоему, хотеть, Боря?
Борис. Я не знаю. Это была ваша идея завести ребенка! Только ваша! И теперь она хочет от нас квартиру!

Лика заходит следом.

Лика. Возможна студия. Возможна ипотека.
Анна. Лика, я же вам все показала. Комната шестнадцать квадратных метров и комната десять. Мы вас не гоним. Лика, если вы думаете, что мы к вам враждебны, мы к вам нисколько. Мы очень хотим ребенка, Лика. Мы ужасно хотим. Давайте попьем чаю и обсудим, как мы будем жить.
Борис. Да! Как мы будем жить?
Анна. Я нашла такой шикарный бренд. Он просто шикарный. И делают наши! Наши делают! Прекрасные детские вещи! Чистый хлопок, и потом я прочитала отзывы. Даже у аллергенных малышей все в порядке.
Борис. Аня, она хочет от нас квартиру!
Анна. Что это значит?
Борис. Это значит, что она сука.
Лика. Это значит, что я хочу своему ребёнку какой-то стабильности. Вот вы знаете, в каком мире он будет жить? Может быть, по периметру его детской будет расцветать ядерный гриб. А может и нет. Я не знаю! Я бы просто хотела, если уж вы настаиваете на этом ребенке, защитить его. Пусть у него будет какая-то собственность. Какие-то деньги на жизнь.
Борис. В мире, где расцветают ядерные грибы, ему вряд ли понадобятся деньги.
Лика. В любом мире деньги будут не лишние.
Анна. Знаешь, Боря, я просто подумала, если мальчик будет талантливый… Это если он будет… Иногда я смотрю, ты знаешь, разные каналы. Я думаю, что Мирра такой выросла отчасти потому, что мы занимались сами собой. Ну что мы делали для нее тогда? У тебя были смены по тридцать шесть часов, у меня была учеба. Мы включали ей мультики и шли на работу.
Борис. Но она выросла. Аня, я не хочу никакого ребенка. Я хочу умереть. Когда к нам в реанимацию привозят вот этих, я каждый раз себя спрашиваю: «Почему не я лежу на этой каталке»? Почему не у меня кома, почему не у меня отсутствие сердечной деятельности?
Анна. Потому что ты не они.
Борис. Я хочу быть как они.
Анна. Не выйдет. Ты всегда будешь чувствовать свою ответственность за мир.

Борис Аня, я ужасно тебя уважаю. Ты самая умная женщина из тех, которых я встречал… Сделай что-то, чтобы это прошло.

Лика. Я все слышу.

Анна. Боря, а я думаю, это наш шанс. Острошенко родили, я не знаю, суррогатная там или нет, но Вере пятьдесят. И прекрасно себя чувствует, судя по соцсетям.

Борис. И что, Лика, в самом деле будет ребенок?

Лика. Если ничего ужасного не случится…

Анна. Будет. Мальчик Платоша… С золотыми кудрями. С пяти лет решает задачки по математике для седьмого класса.

Борис. А ты не подумала – что скажет Мирра, когда узнает?

Анна. А что она скажет?

Борис. Я не уверен, что она будет в восторге.

Анна. А какая ей разница?

Борис. Она отучится в своей Германии, вернется…

Анна. Она не вернется.

Борис. Почему не вернется?

Анна. Мы это обсуждали. И мы закрыли эту тему. Она не вернется.

Борис. Я не говорю про сейчас, но, может быть, когда-нибудь…

Анна. Она никогда не вернется. Она ясно это сказала.

Борис. Я думал, она это сказала из желания позлить меня.

Анна. Нет. Она не вернется больше в Россию.

Борис. Я думал, она просто еще подросток, злой подросток. Они же сейчас поздно взрослеют. И мы поссорились тогда, и она сказала…

Анна. Нет, не поэтому.

Борис. Я решил, что она обиделась и решила сделать мне побольнее. Что она еще тысячу раз передумает. Мы все в юности говорили очень резкие вещи, думали очень дерзко, но потом, потом все изменилось, и мы поняли, что не так уж и неправы были наши родители.

Анна. Она не такая. Она не передумает.

Борис. В конце концов, все меняется. В конце концов, и везде показывают – очень хорошо жить в России. Очень хорошо. Они там все пишут, что у них черти что. Доставки не дождешься, поезда вовремя не ездят, вызовешь скорую – потом тебе счет на тысячи евро придёт… Наркоманы на Франкфуртском вокзале никого не стесняются! И не спорь со мной, Аня, я это видел своими глазами.

Анна. Ей очень там нравится, Боря. Что бы тогда не говорил, я была права, я ужасно рада, что отправила ее учиться в немецкую спецшколу. Без нее она бы не поступила никогда.

Борис. Я тебе никогда ничего по этому поводу не говорил.

Анна. Я ужасно рада.

Борис. А черт знает, что будет. Может, и вернется.

Анна. Ничего такого не будет.

Борис. Значит, помру, не увидев внуков.

Анна. Может быть, мы тоже уедем, Боря.

Борис. Я никуда не поеду.

Анна. Может быть, нам придется.

Борис. Чем тебя здесь не устраивает? У нас отличный дом. Ты построила прекрасный дом, Аня. Лучше, чем, у Марко.
Анна. Я знаю. Только очень сильный ветер. Не нужно было покупать участок у моря.
Борис. Мы ведь хотели жить у моря. Да. Оказалось, что и в жизни у моря есть свои минусы. Ветер. Все время ветер.
Анна. И шторма, шторма, шторма… Особенно, в ноябре, в декабре, в январе, в марте… По десять раз в месяц эти смс.
Борис. Они обязаны. Предупреждаем. Штормовое предупреждение. Ветер 40 метров в секунду. Возможно усиление ветра. Просьба не выходить из дома, по возможности крепко закрыть окна. Такой климат, Аня. Но мы хотели жить у моря. И мы хорошо живем.
Анна. Мирре нравится жить по-другому.
Пауза.
Борис. В любом случае, ей вряд ли понравится чужой ребенок в ее комнате.
Анна. Это не чужой ребенок. Это твой ребенок. Наш ребенок.
Борис. И чужая женщина в нашем доме.
Анна. Мы все ей объясним. Какая ей, в сущности, разница? Она там, а мы здесь. У нее совсем другая жизнь теперь.
Борис. Я куплю тебе студию, Лика. Я возьму ипотеку.
Анна. Нет, зачем студию?
Борис. Я не хочу разрушать свою жизнь. Да, я хреново живу, у меня каждый день болит душа, и язва дает о себе знать, но это моя жизнь.
Анна. А я? А обо мне ты подумал?
Борис. Мне казалось, ты вполне довольна своей жизнью.
Анна. Почему ты так решил?
Борис. Ты никогда не говорила, что у тебя что-то не так.
Анна. Ты никогда не спрашивал.
Борис. Спрашиваю.
Анна. Пройдет еще десять лет, Боря, и нам станет совсем тошно. В этом доме, в этом городе. Здесь будет все также, как и всегда. Все будет также. Так и будет, как и всегда. И я буду знать, что все это теперь уже навсегда. И никакие уколы ботокса не помогут, никакие золотые нити. Все будет также, и ты будешь моим мужем, и я твоей женой, и дом наш будет таким же уютным, как и всегда… Мы купим еще две или три картины, поменяем шторы, закажем новый кухонный гарнитур. А в остальном все будет также хорошо и ничего не изменится, Боря. Я хочу этого ребенка. Я хочу этого мальчика Платошу, с золотыми кудрями. Он будет совсем другим, совсем не похожим на нас. Он проживет свою жизнь по-другому, он все исправит. Пожалуйста, дай мне шанс, я умоляю. Я стану жить по-другому, я брошу пить.
Борис. Я тебе не верю.
Анна. Я брошу пить. Я клянусь, чем хочешь.
Борис. Поклянись жизнью Мирры.
Анна. Клянусь жизнью Мирры.
Анна выливает остатки вина в раковину. Борис думает.
Борис. Лика, ты сегодня останешься ночевать с нами или тебе нужно собрать вещи?

Лика. Здорово, конечно, что вы обо мне вспомнили. И так быстро все решили с мальчиком Платошей. Но, у меня есть подозрения, что в этом вашем прекрасном уравнении куда-то подевалась я.
Анна. Лика, нет. Совсем нет. Конечно, мне нужно привыкнуть к вам. Но я приму вас любой. Мне сорок восемь годиков, Лика. И, вы поймите меня, ваше поколение, оно такое…
Лика. Какое?
Анна. Немного странное для нас. Немного потерянное. Немного избалованное. Зумеры. Мы же вас и вырастили. Моя Мирра точно такая же. Она сама не знает, чего хочет.
Лика. Думаете, я не знаю, чего хочу?
Анна. А чего вы хотите, Лика?
Борис. Да, чего ты хочешь, кроме студии в новостройке?
Лика. Собственно, ничего больше.
Борис. А, если все-таки, я куплю тебе студию?
Анна. Боря, не надо, не дави на нее. Лика ждет малыша. И, конечно, она хочет родить здорового ребенка.
Лика. Да, я хочу родить здорового ребенка.
Борис. И все?
Лика. Конечно! Свою студию и здорового ребенка. Когда, кстати, мы ее оформим?
Анна. Лика, не торопите события. Я все понимаю, но… Вы ведь будете жить с нами. Вам не потребуется дополнительная жилплощадь.
Лика. Я хочу квартиру за ребенка. Точка.
Борис. Студию? Мы говорили о студии.
Лика. Если добавить маткапитал, получится однокомнатная.
Анна. Лика, я знаю, вам, зумерам, подавай все здесь и сейчас.
Лика. Или ребенка не будет.
Борис. Ты не сделаешь аборт на таком сроке.
Лика. Я найду способы.
Анна. Лика, вы нас шантажируете. Нашей любовью к вашему не родившемуся малышу.
Лика. Квартира или аборт, Борис?
Борис. Аборт, конечно, аборт, Лика. Твоя комедия - фарс.
Анна. Нет, Борис, не фарс. Не фарс. Лике важно осознавать, что у нее есть стабильность.
Лика. Да, мне важно осознавать.
Борис. Аня, ты видела цены на недвижимость?
Анна. Я продам квартиру родителей.
Борис. И что мы скажем квартирантам? Мы договаривались минимум на два года. Мы только сделали ремонт, только сдали! У них двое детей!
Анна. Какая разница? У нас нет договора, а раз нет договора, то и нет ничего. Выгоню их в любой момент. Я куплю вам квартиру, Лика.
Лика. Просто так?
Анна. Нет, она будет оформлена на Платошу.
Лика. За ребенка?

Анна. Но Платоша будет жить с нами.
Лика. То есть я вам Платошу, а вы мне квартиру?
Анна. Мы говорили о студии.
Лика. А сколько комнат в вашей квартире?
Анна. В квартире моих родителей. Они умерли в ковид. С разницей ровно в месяц. Оба в реанимации. Ничего невозможно было сделать. Никто не знал, как лечить. Они просто задохнулись и все. Ни антибиотики, ни ИВЛ, ничего не сработало…
Лика. А сколько комнат в квартире ваших бывших родителей?
Анна. Три.
Лика. Можете не продавать квартиру. Я согласна забрать ее за Платошу.
Анна. Квартиру моих родителей?
Борис. Аня, это невозможно. Не отдавай ей квартиру. Она мошенница.
Анна. Ты с ней спал?
Борис. Ну, прямо спал – нет. Мы с ней никогда не ночевали в одной постели.
Анна. У вас с ней был секс?
Борис. Два раза.
Лика. Два года. Каждый вторник, четверг и субботу после обхода.
Анна. Это твой ребенок?
Борис. Надо делать экспертизу.
Лика. За ваш счет хоть десять.
Анна. Значит, это твой ребенок.
Лика. Ладно, оставьте квартиру ваших родителей при себе. Я не люблю квартиры, в которых кто-то умер. Мы договаривались на студию. Я согласна на однокомнатную. С применением маткапитала.
Борис. Однокомнатная с применением маткапитала. У тебя будет квартира. У моей жены будет ребенок. Мы все остаемся при своих.
Лика. Я рада, что мы пришли к договорённости, Борис.
Борис. И больше ничего?
Лика. И еще я не хочу работать.
Анна. Работать надо, Лика. Вы же кем-то хотите стать.
Лика. Я хочу стать камушком в море. Просто камушком.
Анна. Разве это жизнь? Камушек в море то относит, то приносит.
Лика. Именно.
Анна. Но для камушка нет жизни.
Лика. В том-то и дело. Камушек в море не живет и не умирает.
Анна. Вы не хотите умирать, Лика?
Лика. Я не хочу жить. Это гораздо хуже.
Анна. Но ведь бывают же такие дни, согласитесь, Лика? Бывают же такие дни, когда ты просыпаешься и думаешь: «Да, я проживу этот денечек!»
Лика отрицательно качает головой.
Борис. У меня тоже не бывает.
Лика. Как так? Ты же людей спасаешь.
Борис. Потому и спасаю.
Анна. Потому что ты наркоман. Тебе нравятся умирающие девочки.
Борис. Нам привозят…

Анна. Вам привозят бомжей, наркош, со сгнившими ногами, с разложившимися легкими. Да, я знаю! Но все, что тебя там держит – это худенькие умирающие девочки. На солях, на опиоидах, в алкогольной коме…

Борис. Это, быть может, один процент…

Анна. Но ты всегда о них говоришь.

Борис. Потому что их жальче всех.

Анна. Ты просто любишь смерть.

Борис. Я просто жалею молодых! Мне одинаково жаль, когда от наркотиков погибают молодые, будь то мальчики или девочки.

Анна. А если меня привезут к тебе? На каталке, в алкогольной коме? Что ты напишешь?

Борис. Напишу – женщина, 48 лет, поступила в реанимацию в состоянии крайнего алкогольного опьянения, сознание спутано, на вопросы реанимационной бригады не отвечает.

Анна. Я не так умру, Боря. Меня убьет волк из леса. Потом все соседи будут сокрушаться. Ведь у нас такой хороший район. И вдруг волк из леса. Он подойдет ко мне, когда я буду возвращаться с работы, он спросит: «Деньги есть?». А я растеряюсь. И тогда он захочет меня убить за мою растерянность, за мою беззаботность, за мой хороший район. Он достанет нож и воткнет в меня – раз, два, три. Он нанесет мне шестнадцать ножевых, прежде чем я умру. А в кошельке найдет две тысячи рублей сотками. Никто не носит наличку при себе. Только на совсем уж мелкие расходы. Тут и сказочке конец. Я умру, а волк убежит обратно в лес. И соседи скажут, что они удивлены. У нас была такая счастливая семья. У нас был такой хороший район. И в гробу я как живая. Что ты напишешь тогда?

6.

Анатолий. Боря, тут, понимаешь, парень. Ну типа лет я бы сказал тридцати. Тут клуб, нас вызвали короче, потому что блядь, это клуб и скорее всего наркотики. Ну и короче, этот парень, он из леса, понимаешь, тут приехал в отпуск и пришел в клуб. Со слов охранников неизвестные молодые люди дали ему н/в. И короче, я хуй знает че с ним, нас вызвали, потому что он уже два часа сидит у стены клуба и кричит: «Вы ничего не знаете!» Ну он как бы дышит, на вид странный, но не мертвый, я говорю: «Я вызываю психбригаду!». И этот владелец клуба на меня теперь бычит. Я ему говорю про протокол, он мне блядь, что вы обязаны. Вы типа клятву Гиппопотама давали, вот это все. Ну он блядь не производит впечатление реанимационного. Но, с другой стороны, мы уже приехали. Я блядь хуй знает, мне потом не настучат за это по шапке? Потому что владелец тут такое утроил. Говорит, что всех знает. А я че? Я в обычный стационар не могу его отвезти, я только могу его в наше отделение. А он как бы блядь не умирает. Он просто сидит и кричит: «Вы ничего не знаете!» Но я блядь тоже ничего не знаю, и никто ничего не знает, а те, кто знает, те в дурке давно. Боря, прими вызов? Ну там уже его распределите в Алексеевскую. Потому что этот блядь требует, тут меня еще блядь снимают, тут блядь какие-то блогеры еще, хуегеры, я блядь, вообще не знаю, откуда они взялись сука, и че им, за вот эту вот хуйню платят?

7.

Лика. Нам неплохо было бы заключить договор.

Анна. Договор на недвижимость?

Лика. Договор на случай, если рождается мальчик Платоша. Вы покупаете мне однокомнатную квартиру с применением маткапитала. И записываете ее на меня.
Анна. С условием, что Платоша не менее двух недель в месяц проводит у нас в доме по адресу…
Лика. Нет, забирайте Платошу полностью и целиком.
Анна. То есть вы нам его отдадите насовсем?
Лика. Зачем зумерам дети? Мы инфантильны и несознательны.
Анна. Вы ни о чем не переживайте, Лика. Вы, пожалуйста, рожайте. И не переживайте больше ни о чем. Мы дадим вам квартиру. Мы дадим вам все, что вы пожелаете. Только вы нам родите здорового малыша, пожалуйста. А я вас голодом держу, беременную, уже который час! Вы не хотите поесть, Лика?
Лика. Нет, не переживайте.
Анна. У меня есть лазанья, я научилась ее готовить, когда мы с Борей были на конференции по обмену… Адвокат, он был адвокат, Марко, когда мы вернулись в комнату, мы у него жили, тоже по обмену, он сказал такую забавную вещь: «А вы и вправду будущие русские врачи?» И дал нам две тарелки с лазаньей. Мы тогда еще ели ее и целовались сырным соусом? Помнишь, Боря?
Борис. Да.
Анна. Он, в смысле Марко, сказал это по-итальянски, я тогда чуть-чуть понимала по-итальянски, я была увлечена, я мечтала, Бертолуччи, весь этот язык итальянского кино, я была первокурсницей, я увлеклась, я же тогда и подала на грант, а Боря не знал никакого языка. А теперь он знает немецкий и английский, а я забыла итальянский и вообще все языки… А вот уже и подогрелась.
Лика. Ваша лазанья прекрасна. Она точь-в-точь как от Марко. Но меня тошнит от вашей лазаньи.
Анна. У вас, наверное, токсикоз. Вы, наверно, хотели бы прилечь, Лика? Где вас положить?
Лика. Рядом с одноглазой рыбой.
Анна отводит Лику в маленькую комнату.
Анна. И чем она вам так понравилась?
Лика. Тем, что она мертва. Она мертва, один ее глаз уже съеден моллюсками, а второй с надеждой смотрит в космос. А там, в космосе проистекают разные события, неподвластные восприятию рыбы, но даже мертвая она думает: «Как же это, сука, красиво!»
Анна. У вас ничего нет с собой. Я вас всем обеспечу. Со всех конференций мы привозим с Борей зубные щетки. В хороших отелях всегда кладут зубные щетки в каждую уборку. Они все упакованы, абсолютная стерильность. Мне они без надобности, я вожу свою зубную щетку с собой. Но я их всегда забираю. И Борю научила забирать. Потому что это же удобно! Придут незапланированные гости, останутся ночевать, а утром ты им выдашь зубную щетку, как в отеле. У меня таких щеток, Лика, огромная коробка в ванной. Вы не переживайте. Вы можете их менять хоть каждый день. Еще вам, наверное, нужно полотенце? И комплект белья. Лика, у меня очень много полотенец. И очень много белья. Все чистый хлопок и тридцать процентов льна. Это не так уж и дорого, я нашла фирму, шьют наши, это невероятно стильно и экологично, Лика… За вполне вменяемые деньги.
Лика. Меня очень сильно тошнит.

Анна. Тазик?
Лика. Мне бы полежать.
Анна. Ложитесь, Лика. Ложитесь и лежите. Вы устали. Мы все устали. Я найму рабочих, они поставят в этой комнате новое окно, чтобы ветер вам не помешал.
Лика. Мне не мешает ветер.
Анна. Вы просто еще не знаете, каково это – жить у моря. Все время шторма, шторма и штормовые предупреждения.
Лика. Это, наверное, очень выматывает?
Анна. Ужасно выматывает. Ветер разгоняет тоску, провоцирует тревожность. Я очень много пью. Боря, наверное, вам сказал. Это все от ветра. Раньше я такой не была.
Лика. А какой вы были?
Анна. Я была красивая, активная. Я хотела жить. Я любила жизнь. Может быть, звучит пошло, но я пела в д**у**ше. Каждое утро я пела в д**у**ше. Потом Боря попросил меня этого не делать. Я ужасно пою, это правда. Но тогда я пела. Я училась на клинического психолога, я хотела помогать людям. Я получала гранты, я ездила по всему миру. Два года я провела в Бордо по обмену. Я знала языки, я… Я просто хотела жить так, как не жили мои родители, как никто не жил до меня. Жить свою жизнь и помогать жить свою жизнь другим. Потом мы познакомились с Борей, мы ездили с ним по обмену в Италию, мы жили там в невероятно красивом доме…
Лика. Марко, я помню. Адвокат.
Анна. Да, Марко. Он принимал студентов по обмену. И мы тогда поклялись с Борей друг другу, что у нас будет такой же дом, как у Марко. На берегу моря. С видом из окна. Мы поклялись, что у нас будет дочь и собака, и любимая работа. И… все так и случилось. У нас все это есть.
Лика. И собака?
Анна. Все, кроме собаки. У Бори аллергия на шерсть. Но по прошествии времени я понимаю, что все сбылось.
Лика. Кроме собаки?
Анна. Да, кроме собаки. Но… я ни о чем не жалею. Я ни о чем не жалею. Я… Просто вырос ребенок, и мы остались вдвоем, и эти бесконечные шторма… Я проходила тест на депрессию, у меня нет депрессии. Но у меня повышенная тревожность, и хочется, понимаете, Лика, смотреть вперед, думать, что впереди еще столько же, как минимум, столько же. И все еще будет, и мы куда-нибудь еще поедем, и сделаем что-то такое, и нас ждет какое-то будущее… Да, мне нужно понимать, что у меня и у Бори есть какое-то будущее. Мы еще не старые, мы можем куда-то поехать, что-то изменить…
Лика. Что вам мешает?
Анна. Собственно, ничего. Но мы не хотим уезжать из этого дома. Мы просто хотим знать, что у нас есть будущее.
Лика. И для этого вам понадобился мальчик Платоша?
Анна. Мне сорок восемь годиков, Лика. Я уже понимаю, что такое дети. Я понимаю, что это сложно, это бессонные ночи, это постоянный страх за ребенка. Но если ситуация развернулась в таком ключе? Он еще нескоро вырастет. Он еще будет маленьким очень долго. И я успею, я знаю, что я успею…
Лика. Что успеете?

Анна. Воспитать его. Вложить в его голову правильные идеи. Оставить в нем свой отпечаток. Понимаете меня?
Лика. Правильные идеи – это какие?
Анна. Ну… Жить так, чтобы… Чтобы… Я его буду водить на кружки. Он будет заниматься математикой. Школа с углубленным языком.
Лика. А идеи-то какие?
Анна. Мне кажется, вы устали, Лика. Вам нужно отдохнуть. Всем нам нужно отдохнуть.
Лика. Какие идеи вы собираетесь вложить в голову моего ребенка?
Анна. Ну какие идеи… Здоровье, хорошее образование, немного спорта, школа, правильные друзья, какая-то недвижка на момент совершеннолетия. Я считаю, что родитель должен дать своему ребенку к восемнадцати годам три вещи – водительские права, свободный английский и какое-то жилье, пусть даже малюсенькое, но свое… Я уже знаете, к своим годам, Лика, поняла…
Лика. Мне вдруг резко стало легче.
Анна. Вас больше не тошнит?
Лика. Нет. Все прекратилось. Прямо озарение какое-то в организме. Я, пожалуй, пойду.
В комнату заходит Борис.
Борис. Железные стулья унес ветер.
Анна и Лика игнорируют появление Бориса.
Анна. Лика, подождите… куда вы уходите?
Лика. А какие у вас идеи, Анна?
Анна. Мы, кажется, договорились. Вы остаетесь жить с нами. Вы не переживайте. Я дам Платоше гораздо больше, чем вы можете представить… Я все-таки клинический психолог, я, можно сказать, врач, я ведь медицинский заканчивала, я не то, чтобы совсем гуманитарий… Я имею представления о науке, о психологии, в том числе и детской…
Лика. Вы знаете, мне правда пора. Простите, я не готова.
Анна. К чему вы не готовы, Лика? Вы уже беременны. Вам никто не сделает аборт!
Лика. Когда я шла к вам, когда я к вам бежала, когда я бежала к вам, штормовое предупреждение, и вы, конечно понимаете, что такое штормовое предупреждение в нашем городе, я думала, что у вас такой красивый дом. Что все в клинике только и говорят: «У него такой шикарный дом! Он так хорошо живет, и в доме у него так хорошо, как мы никогда не видели! Картины, жена, паркет! И зачем только он работает на бюджете, и зачем только он рвет себе нервы?» А я тебя видела там. Я видела тебя там!!!
Борис. Я просто там работаю.
Лика. Ты давно бы мог заниматься только своей клиникой, только клиникой. И я думала, что ты этого не делаешь, потому что ты очень счастлив. Потому что ты и твоя жена, вы живете очень счастливой жизнью в очень красивом доме.
Анна. Может быть, мы не самые счастливые люди. Может быть. Но мы кое-что повидали в этой жизни, мы кое-что понимаем. Лика, давайте начистоту – мы не сделаем вас миллионершей, мы не исполним все ваши желания. Но мы купим вам квартиру. И за это вы нам дадите шанс стать родителями еще раз. Мы ведь даже не

знаем, от Бориса ли этот ребенок. Но это ведь совсем не важно, Лика. Я знаю, как тяжело вашему поколению достается свое жилье. У вас будет свое жилье. С применением маткапитала может получиться неплохая даже однушка.

Лика. Я вас боюсь.

Анна. И ремонт в этой квартире я тоже беру на свой счет.

Борис. Господи, почему я, человек, который всю жизнь старался жить хорошо, чувствую себя последней сволочью?

Анна. Нам нужен этот ребенок, Боря.

Лика. Простите, но у меня нет для вас ребенка. Я пошутила, Борис. Я не беременна. Я просто хотела посмотреть на твой очень красивый дом и на твою очень красивую жену. Я это все придумала, чтобы посмотреть. Я подделала документы. Чтобы просто посмотреть.

Анна. То есть как? У нас не будет ребенка?

Лика. Ни одного. Ни Платошеньки с золотыми кудрями, ни Сереженьки с толстыми щеками. Ни Наденьки, ни Глашеньки. Никого. Простите. У меня для вас нет ребенка.

Лика уходит.

Борис. *(Лике, в след)* Напиши, как доберешься до дома.

Анна. Боря, догони ее! Догони!

Борис. Пусть идет.

Анна. Там такой ветер!

Борис. Она в этом городе родилась. Она знает, что такое штормовое предупреждение.

Пауза.

Анна. Боря, она это все придумала.

Борис. Забудь.

Анна. Как?

Борис. У психов случаются обострения.

Анна. Что это значит?

Борис. Это значит, что она все придумала.

Анна. Она наркоманка?

Борис. Может быть.

Анна. Ты говорил, она алкашка.

Борис. Я говорил, что у нее была алкогольная кома.

Анна. Значит, она алкашка?

Борис. Скорее всего, нет.

Анна. Она не алкашка?

Борис. Алкогольная кома — это или дети, или терминальные. Она не алкашка. Я просто по-человечески хотел ей помочь. Она меня встретила на проходной.

Анна. И вы…

Борис. Я ей помог, устроил ее на работу в клинику, бумажки заполнять. Потом завертелось. Не то, чтобы я очень хотел, но раз уж так откровенно предлагают. Она была нормальная девчонка, веселая, смышленая… Что случилось? Сейчас у всех рвет крышу, Аня. Не только у нее. Люди сходят с ума по щелчку пальцев.

Анна. Какой у нас комод хороший.

Борис. Да.

Анна. Я его на антикварном базаре купила в Берлине. Помнишь?

Борис. Конечно, помню. Я на этот комод спустил две месячные зарплаты!

Анна. На бюджете.

Борис. И что? Вообще-то на бюджете я тоже работаю!

Анна. Но он очень красивый. Правда?

Анна находит в комоде коньяк.

8.

Анатолий. Боря, я, блядь, Боря, ухожу из профессии. Я вот так домой прихожу и все чаще и чаще думаю: «Да вот на хуя оно мне надо? На хуя оно тебе надо, Толик?!» У меня однокурсница вон губки колет и заебись. Салон, блядь, открыла. Говорит, я в какой-то момент, поняла, ок, мечты мечтами, вот это сука, я - врач, мы кого-то, блядь, спасаем, а жизнь она вот - здесь и сейчас. И жить мне хочется здесь и сейчас. И она сейчас на Гелике, Боря. Прикинь? А я на вызове, Боря, на каком-то очередном блядском. Девочку везу, 20 лет, была обычная скорая, сказали – алкогольная кома, вызвали нас. Тут и близко никакой комы. Уже в сознание пришла. Боря, ты заметил, что осень наступила? Я еду щас по этим адресам, смотрю на город. Он такой, сука, красивый, Боря. Оперный театр, книжный, почта, дом какого-то блядь, купца-старообрядца, который что-то там, набережная, Ленин, мэрия, дом еще какого-то блядь купца… Жили же люди. Жили, никого не трогали, а потом их, наверное, это... К стенке. А, может, и не к стенке, может, они до Парижу вовремя свалили. Боря, извини, я уже накатил. Что говоришь, моя хорошая? Ты че-то гуляла, а потом пришла домой внезапно? С кем гуляла-то? Ну в общем, мать у нее какой-то в нашем городе блядь известный драматург. Достоевский, Станиславский, Чехов, вот это, знаешь, вся хуйня. Ты в театр давно ходил, Боря? Я вот че-то ни хуя со школы не ходил, я вот это их искусство не знаю вообще. Ну, короче, я погуглил. Реально че-то там написано. Какие-то пьесы, какие-то премьеры. И, значит, мамаша нашей девушки очень сильно что-то загрустила. А нашенькая от мамы на почве этих глубоких родительских травм сдристнула. Мамаша, значит, начала про это очередную пьесу писать. И так расстроилась от собственных творений, что забухала. И дальше, Боря, это очень смешно. В общем, она решила раз доченька ее не любит, и пьеса-то пиздец не пишется, повеситься. Встала на табуреточку, а в качестве веревки она ничего не нашла лучше, чем к крюку на потолке привязать эластичный бинт. Внимание, Боря, - эластичный бинт! Весит она при этом не так, чтобы много. Ну и представь, она значит, повесилась, и прыгает туда-сюда, туда-сюда… К люстре и обратно на пол, к люстре и на пол. Прыг-скок, прыг-скок, обвалился потолок! В этот ровно момент приходит доченька, охуевает от происходящего. Освобождает мамку из этой петли времени. Дальше они друг другу клянутся в вечной любви, зачем-то бухают вместе. Зачем-то у мамы припасено два литра водки. Вскоре маме резко становится плохо, видимо, все же была гипоксия. Мамашу ебашит эпилептический припадок. Доченька наконец-то вызывает скорую. Прибывает скорая, зачем-то доченька берет бутылку и вливает ее в себя просто всю. Скорая вызывает нас. И в общем, Боря, картина маслом – мамаша лежит после приступа, то ли пьяная, то ли ебанулась – несет какой-то бред, доченька выбухала пол-литра одномоментно. Доченьку начинает рвать. Так что там – я не знаю, ну триста в ней осталось. Фельдшер мне еще говорит, Гульнара, прикольная такая девушка, лет до тридцати, казашка, она мне говорит: «Ничего, что мы вас вызвали?» Я говорю: «Да, конечно, ничего, Гуля. У вас же нормальной токсикологии нет сейчас».

Она такая, ну да, да, ее еще в ковид расформировали. Я у нее телефончик спросил, Боря. В общем, мамашу увезли в неврологическое, доченьку везу к тебе. Давай напишем ей алкогольную кому? Ну пусть это будет мини-кома? Литл-кома? А я на Бали хочу, Боря. С казашкой Гулей. Ты был на Бали, Боря? Ты, наверное, был. Там, говорят, заебись, можно камушком лежать на солнышке и ни о чем не думать. Потому что, Боря – вот на хуя оно мне надо? На хуя мне все это надо? Короче, подъезжаем, Боря.

9.

Анна. Боря, она это все, все придумала?

Борис. Она сама это сказала.

Анна. Это был твой ребенок?

Борис. Может быть. В конце концов, прекрасно, что не вышло никакого ребенка.

Анна. Этого не может быть. Платон. Платон. Его зовут Платон. Боря, называй его по имени, пожалуйста. Платон Борисович Макаров. Три двести. Такой знаешь, абсолютный китаец на вид. Глазки – щелочки. Мне, когда принесли его в послеродовую, я поразилась. Ведь не может такого быть, чтобы у нас с тобой китаец, Боря, родился. Мы-то с тобой русские! А ребенок – абсолютный китаец. Боря, я так рассмеялась от этой мысли, Боря, что ребенок-то у нас китаец родился! А потом на второй месяц жизни щечки-то появились, спал билирубин, и обнаружился совершенно белоснежный младенец, он открывал ротик, как беззубая птичка – ам, ам, ам… И, представляешь, Боря, я совершенно не знала, что с ним делать. Я помню себя, я стояла в комнате, я держала его на руках, окно в комнате заливал свет, и мы стояли как на рентгеновских лучах, все в свету, Боря, Платоша открывал рот и говорил – ам, ам, а я совершенно не знала, что с ним делать. Они ведь такие прекрасные, эти младенцы, Боря… Они ведь наше будущее. Что бы мы делали без Платоши? Я бы умерла в девяносто два года в деменции, никому не нужная, и жопу мне подтирала бы сиделка, оплаченная Миррой. Впрочем, подтирала бы плохо – ведь никто бы не смог проверить ее работу. И Мирра на мои похороны бы не приехала. Но теперь, когда есть Платоша, когда у нас есть шанс начать все сначала…

В этот момент Анну выбрасывает из бытия.

Эпилог.

Голосовое сообщение. Здравствуйте, Анна Владимировна. Я должна была прийти к вам и сообщить решение администрации. Но вы извините, я не пришла, вы сами знаете, что такое штормовое предупреждение в нашем городе. Все же бывает опасно. И фонарь может упасть на голову, и еще что-нибудь. Сообщаю вам, что наше дерево, к сожалению, срубили. Но есть и хорошие новости. Оно хоть и было трухлявое, но не до конца. И хотя администрация города запретила нам больше собираться по этому поводу и вежливо попросила закрыть наш канал, и оно действительно изнутри было трухлявым, об этом есть подпись М.Б. Пастухова, биолога, эколога, специалиста по деревьям в нашей области, мы все-таки знаем точно, что корни этого дерева сохранены. И мы добились пусть маленьких, но определенных успехов. Мы обнесли это срубленное дерево деревянными колышками. Ивовыми веточками. Дубовыми листиками. Елочными иголочками. Ромашковыми головками – любит, не любит, плюнет, поцелует, к черту пошлет, к сердцу прижмет…

Конец.

Ноябрь 2024 года.